

УДК 355.356 + 355.4

США – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: СТО ЛЕТ «ОСОБЫХ ОТНОШЕНИЙ»

© 2012 г. **С.Л. Печуров***
НИО Министерства обороны РФ, Москва

*В заключительном разделе** авторского исследования темы «особых отношений» США и Великобритании в хронологическом порядке излагаются основные факты, характеризующие их становление и развитие на всем протяжении XX и начала XXI века.*

Ключевые слова: «особые отношения», личностный фактор, республиканцы, демократы, лейбористы, консерваторы, «холодная война», детант-разрядка, кризис, конфликт.

На рубеже XIX–XX веков произошли существенные подвижки во взаимоотношениях двух основных англосаксонских государств – США и Великобритании, которые положили начало беспрецедентным связям этих субъектов международных отношений. Однако подлинно тесные связи сложились в ходе Второй мировой войны и после неё.

Предыстория

Вплоть до начала Первой мировой войны заметно прогрессирующее могущество Соединённых Штатов затрагивало лишь Западное полушарие, куда американский президент-«экспансионист» (1901–1909 гг.) Теодор Рузвельт, в соответствии с доктриной одного из его предшественников, Монро, пытался не допустить даже Лондон, приобретший к тому времени статус «союзника», не говоря уже о других «расово далёких» державах Старого Света. В свою очередь британцы, несмотря на официально декларируемую «политику дружбы» по отношению к США, без особого восторга воспринимали усиление американского военно-промышленного потенциала. К 1907 г. по тоннажу Соединённые Штаты стали второй военно-морской державой в мире. К этому же времени США догнали Великобританию и разделили с ней первое-второе места и по промышленному производству.

* ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович – генерал-майор, доктор военных наук, профессор, академик АВН, член Научного совета при СБ РФ. E-mail: USA-Canada@mail.ru

** См.: Печуров С.Л. США – Великобритания: в русле «особых отношений» // США ✧ Канада. 2012. № 2. С. 69–82. – Ред.

С началом Первой мировой войны официальный Вашингтон, по инерции придерживавшийся курса «самоизоляции» на мировой арене, старался дистанцироваться от событий в Европе и устами президента (1913–1921 гг.) Вудро Вильсона призывал американцев «мыслями и действиями быть нейтральными» по отношению к тому, что происходит в Старом Свете. Руководство же Великобритании всячески пыталось втянуть своего «единорасового союзника» в разгоравшийся конфликт, не чуждаясь любых методов, вплоть до явно провокационных. Но и в Соединённых Штатах не дремала довольно влиятельная «британская партия», которая считала вступление американцев в войну на стороне Великобритании необходимым и даже неизбежным, если следовать логике политики как таковой. Роберт Лансинг (государственный секретарь в 1915–1920 гг.) рассматривал победу над Германией как жизненно важную для американских интересов, даже несмотря на то что в первые три года «европейской бойни» Вашингтон выдерживал нейтралитет, в целом, воспринимавшийся американской общественностью с одобрением, причём не только влиятельными немецкой и ирландской общинами, традиционно настроенными антибритански.

Несдержанность Берлина, уверовавшего было в своё «безусловное превосходство» над противниками, выражавшаяся в том числе в многочисленных нарушениях американского нейтралитета, «подогревалась» сначала скрытым, а потом и демонстративным сотрудничеством Лондона и Вашингтона в финансово-экономической и позднее – в военно-политической областях. Поводом для резкого изменения позиции Вашингтона в отношении участия в мировой войне стала депеша за подписью главы внешнеполитического ведомства Германии Артура Циммермана, перехваченная в начале 1917 г. британцами и тут же услужливо переданная американскому президенту, в которой содержался план формирования антиамериканского союза в составе Германии, Мексики и Японии. Вступив в войну в апреле того же года на стороне Антанты, США тем не менее не питали особых иллюзий относительно «беспроблемного установления нового миропорядка» в результате теперь уже казавшейся неизбежной победы над Германией и её союзниками [4, с. 55–69].

Позиция Вашингтона в вопросах послевоенного урегулирования была определена отказом Сената США в 1919 г. одобрить Версальский договор и участвовать в работе Лиги Наций. В этих условиях британо-американские отношения в 1920-е годы сфокусировались на военно-морском соперничестве и бесконечных спорах в финансово-экономической области.

Вашингтонская конференция по военно-морским вооружениям 1921–1922 гг. завершилась соглашением трёх ведущих в тот момент морских держав – США, Великобритании и Японии – по уменьшению тоннажа военных флотов. Тем не менее находившиеся в центре дипломатической активности на мировой арене вопросы о военно-морском праве вызывали неоднократные трения при их субъективном толковании Лондоном и Вашингтоном и даже стали предметом отнюдь не дружественной полемики в 1929 г. между президентом США (1923–1933 гг.) Гербертом Гувером и британским премьером (1924 и 1929–1935 гг.) Джеймсом Р. Макдональдом. И всё же спорные вопросы сторонам удавалось разрешать в, что называется, цивилизованных рамках.

Относительная напряжённость в американо-британских отношениях постепенно усиливалась с началом глобальной экономической депрессии и выразилась в открытом протекционизме в торговле обоих государств путём принятия в США в 1930 г. так называемого закона Хоули – Смута, а в Британии в 1932 г. – системы имперских преференций.

Дальнейшему росту конфронтации Вашингтона и Лондона помешали резкая активизация фашизма в Италии, нацизма в Германии и милитаризма в Японии и открыто провозглашённые претензии этих объединившихся в блок государств на мировое доминирование. Лондон с большим скептицизмом воспринимал дипломатические шаги Вашингтона, направленные на «смягчение напряжённости», в частности, на предложение президента (1933–1945 гг.) Франклина Рузвельта о созыве международной конференции по разоружению. В конце концов в качестве реакции на рост напряжённости в Европе британское руководство через своего посла в Вашингтоне Р.С. Линдсея предложило американцам «без лишнего шума» пересмотреть в корне содержание двусторонних отношений. Лондон был также заинтересован в том, чтобы его американские партнёры «прагматически» подошли к вопросу о британских долгах, образовавшихся вследствие полученной от США помощи ещё в годы Первой мировой войны. Британцы полагали, что превалирующие в американском обществе настроения неприятия тоталитаризма с неизбежностью приведут Вашингтон в лагерь активных противников германского экспансионизма.

Вместе с тем, ситуация в американском истеблишменте была не такой уж однозначной. В обществе начали подогреваться и настроения явной симпатии к гитлеризму. В 1939 г. пронацистский германо-американский «Бунд» собрал в Нью-Йорке митинг, в котором приняли участие около 20 тыс. человек. И всё же после очередной победы Ф. Рузвельта на президентских выборах в 1940 г. позиция официального Вашингтона стала определенно антигерманской. Обновлённая администрация резко увеличила оборонные расходы, тем самым фактически подтверждая продекларированные президентом слова о том, что «США станут великим арсеналом демократии». Реально, ещё до формального вступления в войну в декабре 1941 г., Вашингтон обозначил неизбежность такого шага в марте того же года путём начала реализации программы военной помощи Великобритании по ленд-лизу [4, с. 69–81].

Теснейшее сотрудничество обоих государств во время войны вовсе не означало, что трений в отношениях Вашингтона и Лондона не было. Это касалось и различий в подходах к организации морской блокады Южной Америки, и согласованности действий на Ближнем Востоке, и послевоенного урегулирования на Балканах, и мер уступчивости по отношению к «притязаниям» СССР на роль ведущей державы коалиции, и будущего статуса ООН, а также других проблем. На периодически возникавшие «недоразумения» в двусторонних отношениях оказывал влияние и так называемый личностный фактор, в частности, с одной стороны, антипатии британских лидеров в отношении грубого и прямолинейного президента США (1945–1953 гг.) Гарри Трумэна, с другой – недовольство американцев «спесивыми» британскими коллегами. Применение же Вашингтоном ядерного оружия против Японии в конце войны помимо всего прочего продемонстрировало Лондону утрату британцами доминирования и

былого влияния на мировой арене, а также отводимую ему роль «младшего партнёра». Причём определённое участие британцев в Манхэттенском проекте (проект создания атомной бомбы. – *С.П.*) в расчёт не принималось. И даже несмотря на обнародованный в ноябре 1945 г. совместный Меморандум Гровса – Андерсона (разработанный американским генералом и британским политиком), в соответствии с которым предусматривалось сотрудничество обеих стран в области «военного атома», авторитет Лондона в глазах американцев неуклонно снижался.

Британское руководство, со своей стороны, цепляясь за факт былого величия Британии, всячески пыталось позиционировать себя в качестве влиятельного субъекта международных отношений, с мнением которого нельзя не считаться. Порой это распространялось и на сферу двусторонних американо-британских отношений. Так, Лондон почти открыто осудил вмешательство США в послевоенное урегулирование на Ближнем Востоке, объективно рассматривая позицию Вашингтона как угрозу «выдавливанию» британцев из стратегически важного региона мира. В свою очередь США устами официального представителя Государственного департамента в апреле 1946 г. подчеркнули, что американцы отныне «будут поддерживать не любые шаги Лондона на международной арене, а лишь те, которые соответствуют интересам США» [11, p. 51].

Первые реальные подвижки

Такое развитие ситуации, естественно, не могло не настораживать Лондон. Уже в феврале 1946 г. британский министр иностранных дел Эрнст Бевин выступил с развёрнутой программой теснейшей интеграции обоих государств в военной области и формирования Западного союза, ведомого США, с целью «сдерживания» советской мощи в Европе, в котором Англии отводилась бы не последняя роль. Британский министр с одобрения США взял на себя роль координатора реализации «плана Маршалла» по оказанию помощи европейским странам в восстановлении разрушенной войной экономики. В январе 1948 г. между двумя странами было подписано соглашение о сотрудничестве в ядерной области, которым было положено начало консультациям при рассмотрении вопросов применения ядерного оружия. «Дипломатическое наступление» Лондона в конце концов привело к созданию в 1949 г. мощнейшего альянса Запада – Североатлантического союза.

Заметное сближение внешнеполитических курсов США и Великобритании, тем не менее, не устранило ряда существенных противоречий, в том числе по общей стратегии действий в начавшейся в 1950 г. войне на Корейском полуострове, боевым действиям в Индокитае, в вопросе признания коммунистического режима в Китае, ситуации на Ближнем и Среднем Востоке и вокруг создания Британией «независимого» ядерного потенциала.

В Вашингтоне тем временем начали осознавать, что без «своего человека» в Европе им будет весьма накладно реализовывать собственные глобальные амбиции. В ноябре 1951 г. Государственный департамент опубликовал программный документ, в котором недвусмысленно констатировалось: «Мы в дей-

ствительности имеем в настоящее время особые отношения с Великобританией, что подразумевает консультации по широкому кругу вопросов» [12, р. 980]. И Лондон изо всех сил пытался оправдать оказанное ему «высокое» доверие. Так, в первый год войны в Корее британские военные расходы (7,7% ВВП) были даже выше, чем в США (6,9%) [11, р. 52]. Военные потери британцев в этой войне были вторыми после американских. Великобритания, один из немногих союзников США, вносила реальный вклад в развернувшуюся по всему миру борьбу с коммунизмом. Особые усилия она прилагала к нейтрализации «коммунистической угрозы» в Юго-Восточной Азии. При этом британцы в отношениях с «заокеанскими братьями» посчитали себя обязанными придерживаться Вашингтон и не допускать с его стороны «особо резких» шагов, в частности, когда у американских военных «зачесались руки» при рассмотрении возможности применения ядерного оружия в Корейской войне.

И всё же полного удовлетворения от начавшегося было потепления в отношениях с партнёрами из-за океана британцы не ощущали. Энтони Иден, министр иностранных дел (1951–1955 гг.) в консервативном правительстве, с негодованием отмечал в 1952 г., что «американские лидеры всегда вежливы, слушают, что мы говорим, но по большинству вопросов принимают решения, которые они считают нужными для себя» [16, р. 347]. Такое положение было характерным для всего периода пребывания в Белом доме администрации Трумэна.

Американцы экзаменуют Альбион

Утверждение у власти в Вашингтоне республиканской администрации Дуайта Эйзенхауэра в 1953 г. стало поистине настоящим испытанием на прочность отношений между двумя государствами. Дело в том, что ни президент, ни государственный секретарь (1953–1959 гг.) Джон Фостер Даллес не придавали никакого значения «особости» в контактах с Лондоном и рассматривали отношения с британским руководством как естественные, не выходящие за рамки обычных. В этом состоял реальный прагматизм американцев, которые, в соответствии с программным документом администрации «Новый взгляд», посчитали необходимым и даже справедливым разделить «поровну» ответственность и военное бремя между всеми союзниками по альянсу, не выделяя никого из общего строя.

Но самые большие неприятности ждали Лондон впереди, в связи с очередным кризисом на Ближнем Востоке, поводом для которого послужила национализация лидером египетской революции Гамаль Абдель Насером Суэцкого канала, объявленная 26 июля 1956 г. Британский кабинет расценил этот акт как «недопустимое нарушение международных договоров и обязательств», которые, между тем, были весьма ущербны для Египта и выгодны лишь британскому капиталу. Премьер-министр Великобритании (1955–1957 гг.) Э. Иден при почти абсолютной поддержке национального истеблишмента незамедлительно приступил к подготовке военной операции по захвату зоны канала, к чему были привлечены Париж и Тель-Авив, заинтересованные в «жёстком ответе вышедшим из-под контроля египтянам», правда, каждый исходил из

своих собственных соображений. Самоуверенный Лондон даже не поставил в известность о планируемой акции своих восточных союзников (Турцию, Ирак, Иран и Пакистан) по Багдадскому пакту, созданному годом раньше якобы с целью противодействия «коммунистической угрозе» в регионе. Кроме того, в британской столице самонадеянно посчитали неизбежной и автоматической поддержку со стороны Вашингтона исходя из того факта, что Насер склонялся к союзническим отношениям с Москвой.

Между тем в Вашингтоне оценивали складывающуюся обстановку и последствия военной акции в регионе иначе. Американская администрация, всецело поглощённая предстоявшими в конце года президентскими выборами, посчитала действия Лондона «несвоевременными и неуместными», стесняющими ход избирательной кампании. Кроме того, данная акция британцев, по мнению американского руководства, наносила непоправимый ущерб скоординированным действиям Запада по «отпору советскому вторжению» в Венгрию для подавления начавшегося там как раз в этот период антикоммунистического мятежа, что с точки зрения Вашингтона было куда более весомым ответом на «экспансию Советов», нежели «разборки регионального масштаба». Настоящим шоком для британского истеблишмента стала жёсткая позиция американского союзника, применившего в отношении Лондона не только дипломатическое, но и экономическое давление с целью заставить британцев согласиться на прекращение огня (8 ноября) и последующий частичный вывод войск из Египта. Американский посол в британской столице докладывал 23 ноября 1956 г. о том, что «антиамериканские настроения достигли небывалого доселе масштаба». Президент США и его окружение, со своей стороны, с негодованием охарактеризовали британского премьера как «неперестроившегося империалиста», своими действиями лишь способствовавшего усилению позиций СССР в регионе [11, p. 54].

Тем не менее, Суэцкий кризис имел и своеобразное «конструктивное» влияние на характер двусторонних американо-британских отношений, в значительной степени отрезвив Лондон и продемонстрировав ему, что и у «особых отношений» есть свои пределы. В последующем, как свидетельствуют факты, британские руководители это чётко уяснили, причём от обеих сменяющих друг друга у кормила власти в Лондоне основных политических партий.

Нормализация отношений

Конец же 1950-х годов ознаменовался существенным потеплением в отношениях двух стран и фактическим восстановлением их прежнего статуса. Но американцы, дабы избежать подобного впредь, «продавили» в одном из ежегодных докладов руководства НАТО следующее положение-предупреждение: «Альянс, члены которого игнорируют интересы друг друга, вовлекаются в политический и экономический конфликт и тем более питают предубеждения друг против друга, не может быть эффективным» [9, p. 86].

Консервативное правительство Гарольда Макмиллана (1957–1963 гг.), чтобы окончательно «не потерять лицо», было вынуждено «проглотить горькую пилюлю» и приступить к наращиванию темпов двустороннего сотрудничества,

поддержав в опубликованной в 1957 г. Белой книге по обороне американские идеи по ядерному сдерживанию коммунизма. Лондон активно подключился к политике США на Ближнем Востоке, но уже в качестве «младшего партнёра». Дальнейшему сближению Лондона и Вашингтона в военно-технической сфере невольно способствовал запуск Советским Союзом в октябре 1957 г. первого искусственного спутника Земли со всеми вытекающими отсюда последствиями в области глобального соперничества антагонистических мировых систем. В качестве реакции на «грандиозный успех Советов» в соответствии с принятым Конгрессом США в июле 1958 г. законом Макмагона снималось большинство барьеров на пути тесного сотрудничества США и Великобритании в области «военного атома».

Выборы демократами очередных выборов в США и приход в Белый дом неординарной, по общему признанию, личности – президента (1961–1963 гг.) Джона Кеннеди и его команды стал не только заметной вехой в истории Соединённых Штатов, но и определённым рубежом на пути упорядочения двусторонних американо-британских отношений.

Существенную роль в налаживании взаимодействия Вашингтона и Лондона в этот период стал играть личностный фактор, а именно баланс симпатий/антипатий двух национальных лидеров – президента и премьер-министра. Не случайно это время в отношениях США и Великобритании позже стали называть «Эрой Джека и Мэка» (Джеком называли Джона Кеннеди, а Мэком – Макмиллана).

Поначалу, как позже вспоминал советник президента Кеннеди Артур Шлезингер, были опасения, что относительно молодой американский глава государства (ему было чуть больше 40) и умудрённый жизненным опытом премьер Г. Макмиллан, бывший на четверть века старше, могут не сработаться. Опасения оказались напрасными. Уже в ходе первой встречи с Кеннеди, отмечал впоследствии Макмиллан, он почувствовал глубокую симпатию к президенту, который пленил своего собеседника интеллигентностью и логикой суждений [24, р. 349–350]. С другой стороны, британского премьера озадачивал вопрос относительно того, что же могло связывать «самоуверенного ирландца» с его якобы правой рукой и, как оказалось, будущим преемником – вице-президентом Линдоном Джонсоном, «создававшим о себе впечатление грубоватого и прямолинейного техасца». Возможно, Дж. Кеннеди, как, впрочем, любой американец с ирландскими корнями, и имел определённые предубеждения против Великобритании. Но, по крайней мере, внешне он их никогда не демонстрировал. Более того, вскоре после вступления в должность он выступил с заявлением о том, что американо-британские отношения строятся не только на силовых расчётах, но также и на глубокой общности целей и долгой практике тесного сотрудничества. Вместе с тем, несмотря на сложившиеся тёплые и неформальные отношения лидеров обоих государств, американский президент, будучи по природе жёстким прагматиком, не позволил «Мэку» использовать свой визит в Лондон в 1963 г. для того, чтобы получить лишние козыри накануне предстоявших выборов в парламент [24, р. 789–790]. Тем самым Дж. Кеннеди показал, что Вашингтон готов сотрудничать с руководством Великобритании любого политического спектра.

Новые испытания

«Эра Джека и Мэка» в американо-британских отношениях характеризовалась не только «беспрецедентным потеплением» и «полным совпадением взглядов» на происходившее на мировой арене, о чём свидетельствовали дипломатические трения сторон в канун и в ходе Берлинского кризиса 1961 г., явившегося серьёзным испытанием для недавно утвердившейся в Белом доме американской администрации. Активизация в тот период советской дипломатии по «германскому урегулированию» была встречена в штыки в Вашингтоне, готовом силовыми методами «отвести коммунистическую угрозу от Берлина». Британская же дипломатия, наоборот, прилагала максимум усилий, чтобы склонить администрацию Кеннеди к политическому урегулированию возникшей кризисной ситуации. Глава Форин-офиса лорд Хьюм выступил с предложением, суть которого заключалась в принятии к рассмотрению в НАТО советских предложений относительно переходного периода, во время которого обе Германии смогли бы «разрулить» вопрос о будущем Берлина.

Пока шли консультации на этот счёт между западными лидерами, Н.С. Хрущёв, пытаясь перехватить инициативу, дал команду возвести в центре германской столицы железобетонную стену, которая, как он считал, приостановит возросший до 2 тыс. человек в день поток перебежчиков из Восточной Германии в Западную. На осложнение ситуации оказывала влияние и развернувшаяся в ФРГ предвыборная кампания.

Начавшаяся было подготовка американцев к военному ответу на «неадекватные меры Советов» была нейтрализована во многом благодаря активным шагам британской дипломатии, заинтересованной в смягчении напряжённости и в недопущении выхода на авансцену мировой политики Германии в качестве самостоятельной силы, что означало бы, по мнению Лондона, неминуемое развитие кризиса. Макмиллан позже с гордостью отмечал, что «на сей раз американцы положились на британский опыт в подобных делах и на советы Лондона» [20, р. 1].

В конце концов кризис был преодолен к всеобщему удовлетворению, не перейдя в военную фазу.

Следующим серьёзным испытанием для администрации Кеннеди стал Карибский кризис 1962 г., чуть было не переросший в глобальную войну с применением ядерного оружия. Первопричиной кризиса, как подчеркнул в одном из своих исследований известный британский ученый-международник Дж. Дамбрелл, были просчёты американской дипломатии ещё в президентство Д. Эйзенхауэра, недооценившей последствия Кубинской революции 1959 г. и степень антиамериканских настроений на Кубе [11, р. 62]. Неожиданно для Белого дома молодой лидер революционеров Фидель Кастро и его окружение перешли в коммунистический лагерь и добились советского военного присутствия фактически под боком у США, включая размещение на острове ракетно-ядерного оружия, представлявшего непосредственную угрозу американцам. Но и администрация Кеннеди допустила серьёзный просчёт, организовав вторжение кубинских контрреволюционеров в заливе Кочинос в 1961 г., не обеспечив их при этом достаточной военно-дипломатической поддержкой.

Британцы с самого начала весьма скептически отнеслись к потугам Белого дома повернуть в свою сторону развитие ситуации без серьёзной проработки всех аспектов резко возраставшей напряжённости. Тем не менее Лондон, памятуя о своём долге союзника, приложил немало усилий для организации поддержки действий Вашингтона в Европе и странах Содружества.

По мере развития кризисной обстановки американцы чаще начали обращаться за консультациями к своим союзникам, прежде всего британцам. Дело зашло так далеко, что даже конгрессмены выразили возмущение относительно того, что они в меньшей степени информированы о вырабатываемых в Белом доме решениях, нежели британский премьер и посол Её Величества в Вашингтоне [5]. Британцы же не оставляли попыток убедить Кеннеди в необходимости поиска дипломатических путей для разрешения конфликта, уверенные в том, что «русские блефуют», будучи осведомлёнными о подавляющем американском превосходстве в ядерных вооружениях. По мнению МИД Великобритании, необходимо было дать Советам возможность «отыграть назад», на что они якобы с неизбежностью согласятся даже ценой «потери лица». В самый разгар кризиса, 25 октября 1962 г., американский президент дважды обращался за советом к британскому премьеру насчёт возможности вторжения на Кубу. А 26 октября Дж. Кеннеди заверил Г. Макмиллана в том, что он не даст команды на нанесение бомбового удара без предварительного обсуждения этого акта с британцами. В то же время американский президент вежливо отклонил предложение премьера немедленно вылететь в Вашингтон, показав тем самым «меру помощи», в которой нуждались американцы со стороны Лондона [11, p. 65]. К всеобщему удовлетворению, кризис был преодолен, однако некоторые вопросы в двусторонних британо-американских отношений остались в подвешенном состоянии.

Так, в очередной раз была высвечена проблема контроля над американскими военными базами в Великобритании и, соответственно, британским национальным ядерным потенциалом. Лондон настойчиво продвигал идею относительно того, что задействование американского ядерного оружия, тем более размещённого в Альбионе, может быть только «предметом совместного решения». Таким образом, определённая асимметрия в «особых отношениях» продолжала иметь место и всё в большей степени осознаваться в Лондоне как неизбежная. Государственный секретарь Дин Раск ещё в период кульминации Карибского кризиса заметил: «Одно дело для Британии и Франции оказаться изолированными в рамках союза, как это было в период Суэцкого кризиса. Совсем по-другому будут обстоять дела, если Соединённые Штаты окажутся в аналогичном положении. Поскольку США являются центральным звеном союза, проблема принимает кардинально иное измерение, о чём всем нам необходимо задуматься!» [26, p. 128].

В первые годы президентства Кеннеди Вашингтон был весьма недоволен тем обстоятельством, что британские коммерческие связи с государствами коммунистического блока продолжали оставаться на относительно высоком уровне. Лондон аргументировал свою позицию тем, что Соединённым Штатам как самодостаточному государству трудно понять британцев, жизненно нуждающихся в развитии торговли; поэтому, считали в Лондоне, это должно вос-

приниматься союзниками без эмоций. Американцы же всегда рассматривали коммерческие отношения как важный инструмент своей политики.

Первым некоторые ограничения на торговлю с «Восточным блоком» ввёл Г. Трумэн ещё в апреле 1945 г., а в 1950 г. по его инициативе был создан Координационный комитет по экспортному контролю – небезызвестный КОКОМ. При Эйзенхауэре, в 50-е годы прошлого века, были предприняты меры к ограничению продаж в соцстраны и товаров «чисто гражданских», чтобы тем самым подорвать экономику, прежде всего СССР, ещё не оправившегося от разрухи войны. Уже тогда начались трения между Вашингтоном и Лондоном. При Кеннеди, несмотря на его формальную поддержку либерализации торговли, такая линия поведения Вашингтона продолжала выдерживаться. Так, в феврале 1963 г. американский представитель в НАТО Томас Финлеттер доносил в администрацию, что «Британия вопреки согласованной позиции Запада продолжает предоставлять кредиты странам советского блока, развивает торговлю с Кубой, поставляет авиатехнику коммунистическому Китаю и продаёт трубы большого диаметра для нефтепроводов Советам» [10, p. 608].

Но Вашингтон был достаточно прагматичен, когда дело касалось его собственной выгоды. В 1964 г. между США и СССР была заключена грандиозная сделка на поставку зерна. Продолжавшаяся же торговля британцев с Кубой по-прежнему вызывала недовольство американцев, порой выливавшееся в открытую перебранку руководителей обеих стран: например, она произошла в ходе переговоров президента Л. Джонсона и А. Дугласа-Хьюма, сменившего «Мэка» на посту премьер-министра (1963–1964 гг.) Великобритании.

Время «застоя»: приливы и отливы

Кратковременное пребывание Дуглас-Хьюма на премьерском посту не отразилось существенно на характере отношений между Вашингтоном и Лондоном, за исключением, может быть, усиления негативного отношения к британской элите со стороны американцев как следствие известного шпионского скандала с участием советского военного дипломата в Лондоне, причиной которого была «моральная нечистоплотность» самого премьера.

Начавшийся было при Кеннеди процесс конструктивного развития двусторонних отношений, во многом основывавшийся на личностном факторе или, другими словами, взаимной симпатии лидеров обоих государств, был заторможен почти на два десятилетия, совпавшие с президентствами в США Л. Джонсона, Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера.

Причиной возобновления относительной напряжённости в американо-британских отношениях было не столько британофобство руководителей США, сколько наличие объективных условий, способствовавших порой несовместимости национальных интересов обоих государств. Безусловно, и субъективные факторы играли свою роль. Так, лидер британских лейбористов Гарольд Вильсон, ставший в 1964 г. премьер-министром, был известен как «стойкий антиамериканист» в начале его политической карьеры в 40-е и начале 50-х годов прошлого века. Он был одним из авторов проекта программы Лейбористской партии, направленной на одностороннее ядерное разоружение. За это Г. Вильсон даже был подвергнут жёсткой критике со стороны тогдашнего

руководителя лейбористов Хью Гейтскелла, который обвинил своего коллегу в «намерении отсидеться за спиной американского ядерного сдерживания» [11, р. 75]. Однако, став премьером, Г. Вильсон смягчил свою позицию и провозгласил курс на модернизацию политики возглавляемой им партии, в котором отсутствовали и намёки на антиамериканизм.

В целом, политику британского кабинета в отношении США в тот период многие исследователи характеризуют как «смесь критицизма и лести». Британцы, несмотря на почти открытое возмущение Белого дома, дистанцировались от американского военного вмешательства в Юго-Восточной Азии, хотя время от времени и декларировали свою поддержку Вашингтону в разгоравшейся повсеместно борьбе с «коммунистической экспансией». Г. Вильсон, с одной стороны, выражал явные симпатии Роберту Кеннеди – конкуренту Джонсона во внутривнутриполитическом противостоянии, а с другой – по дипломатическим каналам прямо клялся действующему президенту в том, что вынужден это делать исходя из «складывавшихся обстоятельств».

Но и Вашингтон был поставлен в такие условия, когда, скрепя сердце, был вынужден опираться на Лондон в поднимавшейся в Европе волне антиамериканизма, главным образом в связи с войной во Вьетнаме. Французский президент Шарль де Голль, выведший свою страну из военной организации НАТО в 1966 г. и скрытно противодействовавший любым акциям США на международной арене, доставлял немало хлопот Вашингтону. Однако и Лондон, в очередной раз из-за позиции Парижа утративший шанс на вступление в «Общий рынок», также был вынужден апеллировать к Белому дому, где неизменно находил утешение и моральную поддержку как «потенциальный проводник» американской политики на европейской арене. Расчувствовавшийся Вильсон даже как-то заявил Джонсону, что «настанет день, когда Британия станет 51-м штатом США» [11, р. 77].

США и Великобритания достаточно успешно взаимодействовали в середине 1960-х годов на «международной периферии», когда, к примеру, решался вопрос о провозглашении независимости Британской Гвианы и недопущении «левых» к руководству новой независимой страны. С определёнными трудностями столкнулся Вашингтон, когда был втянут в проблему, возникшую в 1965 г. вокруг Родезии из-за провозглашения её независимости под руководством расиста Яна Смита. Лавируя между «родезийским лобби» и «борцами с расизмом» в своей собственной стране, администрация Джонсона под давлением британцев была вынуждена прилагать неимоверные усилия для достижения компромиссного решения.

Одним из наиболее серьёзных испытаний для Лондона и американо-британских отношений в целом во второй половине 1960-х годов стала угроза девальвации британской валюты. Перенапряжение экономики Британии, её чрезмерные военно-политические и экономические обязательства, а также другие причины подобного характера вызвали проблемы в её финансовой сфере. По данным, приводимым профессором Дж. Дамбреллом, уже летом 1965 г. по инициативе Лондона состоялись закрытые переговоры с представителями американского руководства с целью поиска путей решения углубляющегося кризиса. Американцы якобы обязались предоставить займы, но при

условии свертывания лейбористским правительством «социалистической политики непомерных общественных трат», а также подтверждения Великобританией своих военных обязательств и реальной поддержки американцев в войне во Вьетнаме [11, р. 79]. Из этого следовал неприятный для британцев вывод о двойственности позиции Белого дома, с одной стороны, заинтересованного в поддержке фунта стерлингов перед лицом угрозы кризиса всей валютно-финансовой системы Запада, а с другой – стремившегося «проучить» лейбористское руководство союзника, поставив его перед выбором «рационального пути экономических преобразований». В конце концов «загнанный в угол» Г. Вильсон после жёстких дебатов в политико-финансовых кругах страны принял окончательное решение о девальвации национальной валюты как «меры по защите национального суверенитета». 18 ноября 1967 г. было объявлено о девальвации фунта стерлингов на 14,3%. Позже американские независимые эксперты в принципе согласились с тем, что, если суммировать все «за» и «против», альтернативы у британцев просто не было. Экстренными мерами международных финансовых воротил удалось избежать мирового хаоса. Однако этот шаг британского кабинета не мог не иметь последствий, в том числе и в сфере отношений с США.

Прежде всего финансово-экономические неурядицы коснулись британских военно-политических обязательств и достигнутых на этот счёт договорённостей с Вашингтоном.

Дело в том, что после прихода в 1964 г. к власти лейбористов Г. Вильсон лично провозгласил доктрину господства Великобритании «к востоку от Суэца» в качестве главного регионального направления своей внешней политики. Вашингтон тогда с энтузиазмом поддержал Лондон и подчеркнул, что «продолжение военного присутствия Британии к востоку от Суэца ценой в 1,6 млрд. долл. отвечает желанию Соединённых Штатов» [1, с. 67–72]. И вдруг, правда, столкнувшись с беспрецедентными финансово-экономическими трудностями, тот же Вильсон в январе 1968 г. практически расписался в своём бессилии и отказался от всего того, что наобещал американцам. Последние были буквально шокированы таким поворотом событий. Л. Джонсон заявил, что данный шаг Лондона «равносителен британскому отходу от мировых дел». Ещё более прямолинеен был министр обороны США Кларк Клиффорд, объявивший на заседании Совета национальной безопасности о том, что тем самым Лондон «открывает новую (отнюдь не позитивную) эру в американо-британских отношениях» [11, р. 85].

Накануне объявления о свёртывании британской военной активности американцы предупреждали Лондон о том, что сокращение его обязательств на «международной периферии» с неизбежностью спровоцирует реакцию Вашингтона на компенсацию этих сокращений за счёт американских обязательств в Европе. Этот аргумент всегда был весомым для британцев, панически боявшихся уменьшения американского вклада в «оборону Европы» либо возможности переключения внимания Вашингтона на другие европейские державы в ущерб Британии, например на ФРГ.

В этой связи, учитывая к тому же и стремление нейтрализовать внутреннюю оппозицию консерваторов, в резкой форме выступивших против «сдачи

позиций» лейбористами на мировой арене, кабинет Г. Вильсона предпринял шаги с целью поднять свой авторитет в глазах западных союзников и активно включился вместе с американцами в процесс подготовки Договора о нераспространении ядерного оружия (который и был подписан в 1968 г.). Это был, пожалуй, последний дипломатический успех на почве британо-американского сотрудничества в уходящую в небытие «эру Джонсона».

Новые испытания

Новоизбранный президент-республиканец (1969–1974 гг.) Ричард Никсон, нанёсший визит в Великобританию в августе 1969 г. и посетивший базу королевских ВВС Милденхолл, без обиняков заявил британскому премьеру, что в текущих в тот период переговорах с СССР по ограничению стратегических вооружений у американцев нет возможностей согласовывать позиции с Лондоном, тем самым в очередной раз обозначив «границы влияния» британцев на реализуемый Вашингтоном внешнеполитический курс. Позже Г. Вильсон писал, что новый американский президент «более не рассматривает Британию в качестве сверхдержавы и желает, чтобы британцы делили с ним ответственность при подготовке решений, которые будет принимать лично он» [11, p. 87].

Однако на словах и Никсон, и его правая рука Генри Киссинджер неоднократно выступали за сохранение «особых отношений» и даже установили хорошие рабочие контакты с новым британским послом в Вашингтоне Джоном Фрименом, пользовавшимся особым доверием британского премьера. И всё же тёплые личные отношения между лидерами обоих государств, всегда весьма существенно влиявшие на взаимодействие Вашингтона и Лондона, установить не удалось. Киссинджер в связи с этим позже вспоминал о том, что предложение Г. Вильсона «перейти “на ты” было встречено Р. Никсоном с выпученными глазами» [19, p. 92].

Не стали прорывными в британо-американских отношениях и годы правления в Лондоне консервативного правительства Эдварда Хита (1970–1974 гг.). Причиной этому, прежде всего, было стремление консерваторов демонстративно отдалиться от никсоновского руководства в Белом доме, чтобы создать у европейцев (и не только) впечатление о кабинете как «полностью независимом» и «проевропейском». Э. Хит даже в открытую заверял французского президента Жоржа Помпиду в том, что «Британия не будет “троянским коном”, действующим в интересах США в Европе» [17, ch. 5].

Как никогда прежде, да и в следующие несколько лет фактор личных антипатий лидеров США и Великобритании не играл такой существенной роли, как во времена пребывания на Даунинг-стрит, 10 Э. Хита. Г. Киссинджер в своих мемуарах подчёркивал, что из всех британских премьеров именно Хит был наиболее равнодушен к вопросу о поддержании с США «особых отношений» и вообще относился к американцам с пренебрежением [19, p. 49]. Британский премьер считал термин «особые отношения» некорректным и зачастую вводящим в заблуждение. Э. Хит лично инструктировал своих представителей на многосторонних переговорах относительно того, чтобы те избегали частных консультаций с американцами [11, p. 88]. Комментируя же «особые отношения» в контексте Индо-Пакистанской войны 1971 г., британский премьер

заявил: «Единственное, что они [американцы] хотят от особых отношений, так это высадки там британского десанта» [14, р. 17, 25].

Американцы платили Хиту тем же. Никсон, публично приветствуя победу консерваторов на выборах 1970 г., лично к новому премьеру относился с антипатией. Президент, как и его советник Киссинджер, после первых контактов с Э. Хитом единодушно охарактеризовали его как «более мягкую версию того же де Голля» [11, р. 89].

Подобные объективные и субъективные факторы оказывали влияние и на позиции обоих государств по многим аспектам международных отношений того периода. Некоторые исследователи американо-британских отношений вновь заостряли внимание на противоречивости в их развитии.

Так, с одной стороны, было чёткое и конструктивное взаимодействие Вашингтона и Лондона по вопросу о Родезии, а также о совместном использовании стратегически важной базы Диего-Гарсиа в Индийском океане. Вашингтон с одобрением отнёсся к переосмыслению Лондоном политики «к востоку от Суэца». По мнению Белого дома, «тихий уход» британцев с Ближнего Востока, о чём было объявлено в марте 1971 г., не имел в тот период особого значения для стратегического баланса сил, поскольку, как полагали американцы, в регионе продолжали оставаться сильными позиции шахского Ирана – верного союзника США.

С другой стороны, в ряде ситуаций наглядно проявлялась и серьёзная нестыковка в позициях «братьев по расе», как часто называли американцев и британцев сторонники укрепления англосаксонского союза государств. Так, объявленное Никсоном в августе 1971 г. искусственное «прекращение конвертируемости доллара», а по сути, начало ликвидации лежавшей в основе западных финансовых отношений Бреттон-Вудской системы 1944 г., казалось бы в определённой степени выгодное для британцев, было встречено в Лондоне с явным неодобрением как «одностороннее», проведённое без должных консультаций. Не устраивало Лондон и требование Вашингтона об увеличении европейцами оплаты содержания американских войск в Европе. Более того, глава британской миссии в НАТО отметил факт уменьшения американских обязательств в Европе и одновременно осудил «старшего брата из-за океана» за его политику «де-факто» в отношениях с СССР «через голову» европейских союзников.

Особый негативизм и в Лондоне, и в других европейских столицах вызвала позиция Вашингтона в ближневосточном кризисе осенью 1973 г., вызванном очередной арабо-израильской войной. Сразу после начала военных действий 6 октября Лондон и Париж почти одновременно обвинили Израиль в провоцировании перехода кризиса в военную фазу как закономерный итог отказа израильтян вернуть захваченные в 1967 г. арабские территории. Причём особенно возмутила однозначно вставший на сторону Израиля Белый дом позиция Лондона, который шестью годами ранее устами тогдашнего премьера Г. Вильсона поддержал действия Тель-Авива. Американцы, быстро организовав «воздушный мост» для оказания военной помощи своему региональному клиенту, были изрядно уязвлены скоординированной позицией своих европейских союзников, запретивших (за исключением Нидерландов, Португалии и Западной

Германии) использование их воздушного пространства для перебросок войск и военной техники.

Дополнительным стимулом к раздражению, в частности Лондона, явилось приведение на 19-е сутки конфликта ядерных сил США в высокую степень боевой готовности, что, как считал лично британский премьер, было совершенно неуместным, несвоевременным и провоцировало СССР на подобные же шаги. Мало того, что, как полагали британцы, в Вашингтоне совершенно неправильно оценивали поведение Москвы в период кризиса, так вдобавок администрация США абсолютно неумело попыталась такими шагами отвлечь американское общественное мнение от разгоравшегося внутреннего кризиса вокруг «Уотергейта», связанного с «неэтичным поведением» Никсона в период предвыборной кампании. Киссинджер, правда, как потом писали газеты, якобы проинформировал Лондон о «ядерной тревоге», но это произошло через полчаса после её объявления, что лишь нанесло дополнительную рану самолюбию британцев [11, р. 92].

Вместе с тем, и это следует подчеркнуть, несмотря на ряд осложнений в отношениях Лондона и Вашингтона в начале 1970-х годов, общий курс на совместное противостояние «коммунистической угрозе» продолжал выдерживаться без колебаний. Влиятельный же глава внешнеполитического ведомства в британском кабинете (1960–1963 и 1970–1974 гг.) А. Дуглас-Хьюм, известный в определённых кругах как «ярый американофил», предпринимал все возможные меры, чтобы устранить любые проявления негативизма в двусторонних отношениях, в чём ему оказывала содействие весьма значительная группа из представителей британского истеблишмента, настроенная на укрепление связей с американцами по всем направлениям.

(Окончание следует)

Список литературы

1. *Давыдов В.Ф.* Военно-политическое сотрудничество США и Англии «к востоку от Суэца» // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 11. С. 67–72.
2. *Давыдов В.Ф.* США, Англия и ЕЭС: расчёты и реальность // США: экономика, политика, идеология. 1976. № 10. С. 14–24.
3. *Давыдов В.Ф.* Тори и Вашингтон: реанимация «особых отношений» // США: экономика, политика, идеология. 1980. № 3. С. 61–65.
4. *Печуров С.Л.* Коалиционные войны англосаксов. История и современность. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
5. *Печуров С.Л.* США и Великобритания: в русле «особых отношений» // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 2. С. 69–82.
6. *Baker J.A.* The Politics of Diplomacy. New York: Putnam's Sons, 1997. 687 p.
7. *Bradford J.* Ties That Bind: US Perspectives on the UK's SDSR // Defence Systems. Summer 2011. Vol. 14. No. 1.
8. *Cheney S.A.* The General's Folly // Foreign Affairs. January-February 1977.
9. *Dickie J.* Special No More: Anglo-American Relations: Rhetoric and Reality. London: Weidenfeld & Nicolson, 1994. 299 p.

10. *Dobson A.P.* The Kennedy Administration and Economic Warfare against Communism // International Affairs. 1988. No. 64.
11. *Dumbrell J.* A Special Relationship. Anglo-American Relations from the Cold War to Iraq. Palgrave Macmillan, 2006. 318 p.
12. Foreign Relations of the United States. 1951. Vol. 4. Part 1.
13. *Hames T.* The Special Relationship / Adonis and Hames (eds.). A Conservative Revolution? 1994. 200 p.
14. Moneybags and Brains / P. Hennesy, C. Anstey (eds.). Glasgow: Strathelyde University/BBC, 1970.
15. Hillary Clinton Worried' by UK Defence Cuts // The Guardian. 15.10.2010.
16. *Horne A.* Macmillan, 1894-1956. London: Macmillan, 1993. 535 p.
17. *Hurd D.* An End to Promises. London: Collins, 1979. 161 p.
18. *Kampfner J.* Blair's Wars. London: Free Press, 2003. 384 p.
19. *Kissinger H.A.* The White House Years. Boston: Little, Brown, 1979. 1521 p.
20. *Macmillan G.* Pointing the Way, 1959-1964. London: Macmillan. 1972. 403 p.
21. *Maijor J.* John Maijor: The Autobiography. London: Harper Collins, 1999. 800 p.
22. Public Papers of the Presidents...1997. 1998. Vol. 1.
23. A Question of Security. The British Defense Review in an Age of Austerity / Ed. by Michael Codner and Michael Clarke. RUSI, Whitehall, London, 2011. 345 p.
24. *Schlesinger A., Arthur M.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, Inc. 967 p.
25. *Thatcher M.* The Downing Street Years. London: Harper Collins, 1993. 912 p.
26. *Zelikow P. and Rice C.* Germany Unified and Europe Transformed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. 492 p.